

В первое время, естественно, калмыцкие предводители не только не думали о подчинении России, но по-прежнему безпрепятственным занятием такого громадного пространства, еще больше утверждали в свою силу и глубоко были убеждены, что и в дальнейшем они сумеют сохранить свою свободу и полную политическую независимость. Есть намек даже на то, что им не чужда была мысль о восстановлении великого монгольского государства Чингис-Хана. Сознание полной независимости логически определяло и действие калмыков на Юге-России до второй половины XVII века, когда калмыцкий Хан Шукур-Дайчин изъявил покорность России. До этого жизнь калмыков была полна военными походами, покорением малых народов, а равно серьезными стычками и нападениями на пограничные русские города, что являлось той мѣрой защиты своих национальных интересов и ревностного оберегания своей политической независимости, то выражением национального боевого подвига, питавшагося пафосом прошлого.

Сознание своей мощи у калмыков вытекало и из факта национального единства с оставшимися в древней их колыбели — далекой Зюнгари — сородичами ойратами, а через них и со всем Монгольским народом, представлявшими в то время еще внушительную силу. Между всеми этими частями единого Монгольского народа непрерывно существовала оживленная связь.

В 1640 году состоялся Съезд Монгольских вождей в речистѣ Шибегыни-улан-бура, у Тарбагатайских гор. На этот Съезд получил приглашение вождь волжских калмыков Хо-Орлек — так как предметом обсуждения на нем стоял важный вопрос об объединении восточной и западной (ойраты-калмыки) Монголии и о той роли, которую должна была играть при этом отошедшая на Волгу значительная группа торгоутов.

Хо-Орлек поѣхал на этот Съезд (Курултай) с своими сыновьями Шукур-Дайчин-ом и Индын-ом и принимал активное участие в его работѣ. На этом Съезде был выработан обще-монгольский кодекс, известный под названием «Монголо-Ойратские законы 1640 года», служивший основным законом у волжских калмыков очень долго.

Учитывая эту живую связь калмыков с далеким востоком и правильно расценивая, что калмыки, отважные и неутомимые борцы, способные безропотно перенести лишения и невзгоды боевой жизни, фаталисти-

чески равнодушные к опасности и смерти, — могут быть хорошими защитниками русских государственных границ от набѣгов различных степных выходцев, — Русское Правительство не обращало внимания на своеобразные выходки Хо-Орлек-а.

Послѣ возвращения на Обще-Монгольский Съезд 1640 года Хо-Орлек не прекратил своих набѣгов на русские села, города. В 1644 году Хо-Орлек осаждал город Астрахань, умер под его стѣнами.

Некоторые историки поведение калмыков за это время, в частности и это нападение Хо-Орлек-а на Астрахань, квалифицируют как «вѣроломное» по отношению к русским.

Необходимо устранить это недоразумѣние. О вѣроломствѣ Хо-Орлек-а не может быть рѣчи, ибо он никогда не давал Русскому Правительству слова о своем подчинении ему, а равно не было заключено между ним и Русским Правительством какого-либо договора, предусматривающаго форму взаимоотношений. Хо-Орлек являлся главою сильного суверенного народа и поступал и действовал так, как подсказывали ему интересы его родного народа, как он понимал интересы своей нации.

Вообще, могли ли калмыки, утвердившие в своей силѣ, много раз убеждавшиеся в этом на дѣлѣ, на опытѣ испытавшие, что на всем протяжении средней Азии почти не было им серьезнаго соперника, живо помнившие яркое величье своего исторического прошлого — придти с поклоном к Русскому Царю, ничѣм еще калмыкам не доказавшему свою мощь? А вѣдь тогда калмыки (одни ли калмыки?) признавали только силу, а не право!

Нападение же Хо-Орлек-а на Астрахань было предпринято по просьбѣ русских же людей, обиженных Москвою. Вот что говорит новѣйшій калмыцкій историк по поводу этого нападения — «оно произошло под воздействием донских казаков, возмущенных рѣшением Московскаго Правительства относительно Азова и шмыгавших свою досаду нападениями на приволжские города: казаки прислали к Хо-Орлек-у подарки и просили оказать им помощь в расправѣ с воеводами. Хо-Орлек пошел на Астрахань и сложил под ее стѣнами свою голову». (Проф. Н. Пальмов — Этюды по исторіи приволжских калмыков, стр. 9, 1926 г.).

Шукур-Дайчин (1644—1667).

Період независимаго (до 1665 г.) и формально зависимаго, но фактически самостоятельнаго существованія Калмыцкаго народа (послѣ 1665 г.).

Послѣ смерти Хо-Орлек-а в 1644 году ему наследовал сын его Шукур-Дайчин*), который и при отцѣ во всем принимал активное участие в дѣлах правления народом. И у него также не было никакого желанія признавать над собою суверенитет России и, воплотив естественно, он продолжал политику своего отца, т. е. политику главы самостоятельнаго народа. Но он увидѣл слабость своего положенія, как главы народа, и всю трудность продолженія при создавшихся к тому времени условіях, политику своего покойнаго отца.

Перед ним была большая, сильная Россия, проникнутая желаніем подчинить себѣ Калмыцкій народ, с одной стороны, а с другой — положеніе его самого, как главы всего Калмыцкаго народа, не было достаточно твердо; отдельные владѣльцы-войоны, по своим родовым достоинствам почитавшіе самих себя не ниже Шукур-Дайчин-а и не чуждые мысли объединить Калмыцкій народ под своей личной властью, могли повести свою самостоятельную политику и, в нужные для отпора приглазаніям русской власти моменты, могли не поддерживать своего главу.

Для Шукур-Дайчин-а было ясно, что раздробленіе

калмыков на мелкія группы поведет к их политической гибели и единственное спасеніе национальной независимости видѣл в укрѣпленіи и поднятіи престижа центральной калмыцкой власти. И только такая централизованная сильная власть могла обезоружить отдельных своеобразных калмыцких войонов и только при этих условіях — при единодушной поддержкѣ и безпрекословном подчиненіи всех калмыцких войонов, слѣдовательно, всего Калмыцкаго народа — еще мыслима была успешная защита и отстаиваніе политической независимости Калмыцкаго народа. А в желаніи защитить свою независимость, как в народѣ в цѣлом, так и у отдельнаго калмыка недостатка не было, ибо все вмѣстѣ и каждая в отдельности на всем протяжении своей исторіи понятными и доступными им средствами и способами защищали ее.

Все несчастье заключалось в своеобразном пониманіи калмыками этой независимости и в недостаточной осознанности идеи политическаго единства. Недалековидные, своеобразные войоны, всецѣло поглощены были обереганіем своей личной независимости, феодальных прерогатив, а простая народная масса в силу своей темноты не понимая новых условій жизни, новую сложную политическую обстановку.

Непререкаемый авторитет, силу могла имѣть только такая центральная власть, которая имѣла бы опору у самых корней Калмыцкаго народа — в Зюнгари и санкционированная высшей духовной главой ламаистскаго (Зонкавитскаго) міра — Далай-Ламой в Тибетѣ. Этот путь и выбирает Шукур-Дайчин для укрѣпленія своего положенія, как главы всего Калмыцкаго народа. Такое

*) В «Этюдах по исторіи приволжских калмыков», проф. Пальмов говорит, что Шукур-Дайчин был женат на дочери Зюнгарскаго Правителя Батур-Хун-Тайджи. Не ошибка ли это? П. ч. сын Шукур-Дайчин-а — Шундук был женат на дочери Батур-Хун-Тайджи, от каковаго брака родился знаменитый калмыцкій хан Аюка. Трудно допустить, чтобы отец и сын были женаты на родных сестрах.

«единоличное господство над Калмыцким народом мыслилось ему как начало, способное не только сплотить калмыков, но и наилучше регулировать отношение кочевников к русской власти на Юго-Востоке России».

В 1745 году прибывает к нему на Волгу знаменитый ойратский Просвитель *Зай-Нандита*, основатель калмыцкого алфавита и письменности. Имѣет ли этот приезд какую-нибудь связь с политикой Шукур-Дайчина или нѣтъ, неизвѣстно, но только в слѣдующем 1646 году Шукур-Дайчин ѣдет через владѣнія Зюнгарскаго Правителя Батур-Хун-Тайджи в Тибет к Далай-Ламѣ для полученія от него санкцію власти над Калмыцким народом.

Эта его поѣздка продолжалась около 10 лѣт. В 1649 году в его отсутствіи, оставшіеся на Волгѣ калмыцкіе князья отправили в Астрахань послов с изъявленіем покорности Россіи, слѣдствіем чего явился наказ, в котором говорилось, что Шукур-Дайчин-а и других калмыцких князей Царь русскій держит в своем «милостивом призрачїи».

Трудно допустить, чтобы Шукур-Дайчин, мечтавшій стать главой сильнаго сувереннаго народа, для чего путившійся в такой долгій и трудный путь к далекому Далай-Ламѣ, ревностно оберегавшій политическую независимость своего народа, уѣзжая из Волги, мог бы уполномочить, остающихся князей от его имени изъавить покорность Россіи.

Скорѣе тут случилось то, чего так опасался Шукур-Дайчин: честолюбивые войоны, пользуясь отсутствіем Правителя, повели свою самостоятельную политику: жлая изъавленіем покорности снискать к себѣ милость и вниманіе русской власти и, может быть, каждый из них тайно лелѣял мечту с помощью русских стать во главу своего народа.

Это изъавленіе покорности, однако, не мѣшало калмыкам продолжать нападенія на русскіе села, города, завоевывать мелкіе народы и т. п. Все подобныя нападенія калмыков проходили для них безнаказанно, но в политической жизни тогдашняго юго-востока Россіи калмыки из себя представляли сильный фактор, чтобы приступить к рѣшительным против них дѣйствіям. С ними все считались, упорно искали их дружбы. На эту их значительность в политической жизни того времени указывает и то обстоятельство, что на далекой Зюнгариі калмыки небольшими группами свободно и безнаказанно проходили на Волгу. Для народов, обитавших на этом их азиатском пути, обаяніе силы и могущества монгольских ойратов было слишком еще свѣжо и сильно, чтобы у них родилась мысль потягаться силой с калмыками органической частью монголо-ойратов.

Ш. Балинов.

(Окончаніе послѣдует).

ХРОНИКА, ПЕЧАТЬ И ВѢСТИ С МѢСТ.

Из письма легіонера-калмыка Манджика Шаршикова к редактору журнала „Улан Залат“.

Считаю своим долгом принести от своего имени и от имени своих друзей глубокую благодарность Вам за присланныя газеты и журнал, каковыя мы с величайшим удовольствіем читаем. Все-таки не забывают и заботятся о нас, далеко заброшенных судьбой под горячим солнцем Африки калмыках. От всех русских легіонеров приносим величайшую благодарность Вам, исполняющему свой гражданскій долг.

С большой отрадой узнали, что у Вас там не спит наша національная, калмыцкая мысль, что имѣются у Вас разныя культурныя ячейки вплоть до О-ва футболистов. Слава Богу! Мы рады свободной мысли хоть и не на Родинѣ, хоть и на чужбинѣ пробуждающейся. В Вашем журналѣ мы находим знакомыя имена, которых мы знаем по наслышкѣ, других знали лично еще там, в Родных Краях.

Не легка жизнь легіонеров. Эта жизнь проходит в сплошных тяжелых походах с рѣдкими отдыхами в сентябрѣ, октябрѣ мѣсяцах. Постоянныя опасности жизни, тяжелыя финансовыя страданія, духовныя муки, рождаемая чувством полнаго разрыва от всего родного и, наконец, глубокая, постоянно преслѣдуемая тоска по Родинѣ, Родным Краям, милой стени — вот наша жизнь.

И так будет до окончанія службы, а там — цивильная жизнь уже со своими трудностями и со своими прелестями.

Нѣкоторым счастливым везет также и здѣсь, на службѣ. Лучшим по поведенію, болѣе развитым и способным к военной службѣ иногда удается выдвинуться по службѣ: сперва в капралы, а затѣм в сержанты. Сержантъ в Легіонѣ занимает приличное положеніе и получает сносное содержаніе. Бывают случаи, что из получает сносное содержаніе. Бывают случаи, что из сержантов нѣкоторые счастливы и из б. русских офицеров дослуживаются до чина лейтенанта, но это при наличіи военных документов, а также — извѣстной популярности в военных сферах.

Лично моя служба не так уж тяжела; я устроился, слава Богу, хорошо. Окончил школу капралов и ожидаю производства в капралы. Будем очень рады поддѣлю производства в капралы. Будем очень рады поддѣлю держивать связь с нашими сородичами в Чехословакии. Кто знает? Быть может придет время и нам искать ма- Калмыцкія уголок среди своих соотечественников. Мы будем очень рады и счастливы получать от время до времени письма, газеты, журналы.

Комитет по дѣлам калмыков-бѣженцев Россіи в Софїи сношеніем своим за № 66 выражает свое глубокое удовлетвореніе дѣятельностью Калмыцкой Комиссіи Культурных Работников в Ч. С. Р. и выражает ей и всем ея сотрудникам свою искреннюю признательность за изданныя ею и присланныя в Болгарію книги. Выражает успѣха в работѣ Комиссіи и просит впредь по дѣлам, касающимся калмыков, проживающих в Болгаріи, обращаться непосредственно к Комитету по дѣлам калмыков-бѣженцев в Софїи.

Предѣдатель Польскаго Общества Ориенталистов прислал Калмыцкой Комиссіи Культурных Работников в Ч. С. Р. ХАДАК*) при слѣдующем письмѣ:

Polskie Towarzystwo, Orientalistyczne
Société Polonaise d'Etudes Orientales.
Lwow (Léopol) Marszałkowska, 1.

Шлю Калмыцкой Комиссіи Культурных Работников в Чехословакии искреннее пожеланіе успѣха в ея просвѣдательной дѣятельности — на благо всего Калмыцкаго Народа.

Prof. W. Kotwicz.

Из Болгаріи нам сообщает: В Софїи по инициативѣ небольшого калмыцкаго кружка во главѣ с Башкур Давыдовым и при ближайшем участіи русских артистов-любителей состоялся калмыцкїй концерт в пользу мѣстнаго буддїйскаго-церковнаго настоятельства и возбудил значительный интерес.

Нас глубоко радует подобныя начинанія наших соотечественников, в тяжких условиях чужбины проявляющих инициативу самопомощи. Пожелаем, чтобы это начинаніе нашло себѣ больше послѣдователей.

По журналу „Красная Печать“.

В Чехиѣ «грамотность означала: по складам читать Коран, большей частью не понимая смысла». Но советская власть приказала во что бы ни стало издавать чехословацкую «национальную» газету, приобщить чехов к марксизму, ленинизму и... газета «Серло» начала выходить.

*) Плат счастья, род продолговатого платка, дѣлаемаго из шелковой матеріи.